

Гаврилов Д.А.
(г.Москва, НИО «Северный Ветер»)

ЦАРЬ-ТРИКСТЕР ОДИССЕЙ

Опубликовано:

Гаврилов Дмитрий. Царь трикстеров Одиссей // "Реальный Мир", ежемесячный журнал, вып. №1(1), М., 2006, СС. 198-21, а также Гаврилов Дмитрий. Царь трикстер - Одиссей // "Порог", ежемесячный журнал, №5 (132), 2006, СС.1-5.

Полностью материал см.:

Гаврилов Д.А. Гермес и Одиссей – Трикстеры Античности. Эпигоны и предшественники / Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. –М.: Социально-политическая мысль, 2006. –240 с. СС.109-145.

"...хитроумные дети бога Гермеса искусные в кознях"
Аполлоний Родосский

Среди смертных есть лишь один герой, сопоставимый в полной мере по хитрости и беспринципности с богом Гермесом – это Одиссей – *"недостойный, ненавистный блаженным богам"* по словам Гомера ("Одиссея", X. 72-75).

На свойства Одиссея как Трикстера (трюкача) одним из первых обратил внимание профессор Гарвардского колледжа Джозеф Руссо, автор оксфордских комментариев к бессмертной поэме Гомера:¹

"Есть в эпосе древних греков культурные герои: Геракл, Персей, Тезей, Ясон, Ахилл, Аякс – все они встречаются на своем пути сверхчеловеческие препятствия и преодолевают их благодаря своей отваге и силе, иногда при небольшой поддержке хитрого маневра, магических действий или божественного помощника. Одиссей изначально творит хитрость и коварство, иногда слегка поддерживаемые отвагой и силой. Он также получает значительную помощь от богов, обычно от Афины, традиционно считающейся богиней мудрости, хотя более точно было бы назвать её богиней хитрого, изощренного ума – таков перевод греческого слова *metis*, обозначающего, помимо этого качества, еще и имя титаниды, которую Зевс проглотил, после чего у него из головы родилась Афина. Если Одиссею покровительствует дочь Хитрости, которая сама есть воплощение хитрости, то не приходится удивляться, что Одиссей обычно добивается успеха при помощи врожденной хитрой изобретательности"... Доставшейся ему по наследству от самого Гермеса, — добавлю я.

Одиссей и Гермес в поэмах Гомера практически не встречаются друг с другом. Разве что *"Эрмий, в бедах покровитель"* спас своего правнука и его спутников от колдовства Цирцеи ("Одиссея", XXIV, 10).

Но именно к нему, красноречивому предку, а значит, покровителю всего рода, взывает хитроумный Одиссей в трагедии Софокла, когда оставляет Неоптолема наедине с Филоктетом. Препоручая саму беседу сыну Ахилла, Одиссей просит Гермеса помочь, уговорить Филоктета — прибыть под Троию, ибо сказано, что только тогда падет Троя-Илион ("Филоктет", 134):

*"Я ухожу – теперь твоя забота.
Пусть нас ведет Гермес – Водитель души
С Афиною, заступницей моею."*

¹ Джозеф Руссо. Юнгианский анализ гомеровского Одиссея/ Кембриджское руководство по аналитической психологии. Под редакцией Полли Янг-Айзендрат и Теренса Даусона.

"Гомеровский Одиссей, – высказывает гипотезу Джозеф Руссо, – герой эпической традиции бронзового века, скрывает в себе другую, теневую, фигуру Одиссея – потомка бога-Трикстера Гермеса (впрочем, эта традиция сохранилась и в средневековой Европе, у дьявола (греч. "клеветник") всегда есть ученик, не столь могущественный, но достаточно хитроумный)... У Гермеса был сын по имени Автолик, который унаследовал от отца многие отрицательные качества, но, как ни печально, ни одного положительного. Он похищал скот, пользуясь своей способностью делать предметы невидимыми, и повсеместно приобрел дурную славу обманщика. Его обычным приемом была манипуляция в своих интересах теми, кто имел несчастье иметь с ним дело, при помощи ложных клятв и обещаний. Его внук, Одиссей, унаследовал от деда эти неприглядные качества – так же, как и дурное имя ("Одиссей" и означает "тот, кто причиняет горе или боль") – но в ослабленной форме, в сочетании с некоторыми из не столь одиозных качеств своего прапрадеда Гермеса..."

Как весьма метко подмечено в одной из работ Мэрион Вудман, "Волшебники, Трикстеры и клоуны...": "Клоун знает, какая возникает боль, когда мы вынуждены пожертвовать всеохватывающим эгоцентрическим обладанием. Это обладание делает нас очень чувствительными к потерям, отдавая должное ведущей к свободе отстраненности. Энергия клоуна сосредоточена на тончайшей грани между слезами и смехом, личной трагедией и божественной комедией."

Напомню, кто таков Автолик. Это плод насилия бога Гермеса, совершенного над четырнадцатилетней дочерью Дедалиона, Хионой (*Овидий. Метаморфозы. XI, 303-317*):

*"Раз возвращались вдвоем Аполлон и Майей Рожденный,
Первый из Дельф, а второй — с вершины Киллены; и оба
Сразу узрели её и сразу же к ней воспылали.
Но упованья любви Аполлон отлагает до ночи.
Тот же не в силах терпеть — и тростью, сон наводящей,
Девьих касается уст: та спит под могучим касаньем.
Силою взял её бог. Ночь в небе рассеяла звезды.
Образ старухи приняв, и Феб достигает блаженства.
Вот уже сроки свои исполняет созревшее чрево:
Хитрый родился побег от ствола крылоногого бога.
Звался Автоликом он, на всякие ловок проделки,
Сделать свободно — и тем он искусства отца не позорил —
Белым он черное мог и из белого черное сделать.
Фебов же сын у неё — ибо двойней она разрешилась —
Был Филаммон, знаменитый игрой на кифаре и пеньем."*

Получив уже в свою очередь от Автолика в наследство умение "скрываться и давать клятвы", Одиссей хорошо знал, как связать других клятвой, как и где самому применить ту или иную клятву и как при этом выйти сухим из воды.

Есть у Одиссея и еще один мифологический предшественник, с которым Одиссея сравнивали — это Сизиф. И по одной из послегомеровских версий именно он истинный отец Одиссея. Мы находим при этом миф о столкновении Трикстеров.

"Меркурий дал в подарок рожденному им от Хионы Автолику способность быть первейшим вором и никогда не уловляться в воровстве, а будучи же пойманным, изменяться в какой угодно вид: из белого в черный, из черного в белый, из безрогатого в рогатый, из рогатого в безрогий. Когда Автолик начал делать постоянные набеги на скот Сизифа и Сизиф не был в состоянии его поймать, то последний заметил, что у него совершается кража, так как количество скота у Автолика увеличивалось, а у него самого уменьшилось. Чтобы его поймать, Сизиф сделал заметку на копытах скота. И

когда Автолик украл обычным способом скот, то Сизиф явился к нему, опознал по копытам свой скот, который тот украл, и увел его. Задержавшись же там, он овладел дочерью Автолика, Антиклеей. Впоследствии она была выдана замуж за Лаэрта, и от неё родился Одиссей..." (Гигин. "Сказания". 201).

Если снова обратиться к трагедии Софокла "Филоклет", мы обнаружим там такой намёк на духовное происхождение этой бестии: Одиссей – "сын, Сизифом проданный Лаэрту". Образ ли это, сплетня ли из уст Филоктета в адрес ненавистного ему Трикстера? Вероятно, это метафора, потому что в обратном порядке Филоклет применяет её к Неоптолему, который, хоть и завладел луком Филоктета по наущению Одиссея неправыми речами, возвращает владельцу его оружие. Благородство в Неоптолеме побеждает, и Филоклет говорит: "Да, да, — ты показал, какой ты крови: ты не Сизифов сын, ты сын Ахилла" (Софокл. "Филоклет", 1334-1335).

Но стоит, в самом деле, упомянуть и о том, кто же такой Сизиф. Царь Сизиф – основатель одного из славнейших и древних городов Эллады Коринфа, крупнейшего торгового центра (прежде этот город назывался Эфирой), учредитель Истмийских игр, зять самого титана Атланта. Многие помнят, что этот человек отбывает вечное наказание в мрачном царстве Аида, пытаясь закатить на вершину горы огромный камень (ибо если он это сделает, то освободится), который в принципе нельзя закатить. Отсюда и обозначение работы, которая не приносит результата, "Сизифов труд". Однако, не многие знают, за что же так пострадал Сизиф. Формально за то, что совершал разбойные нападения на путников, грабил и жестоко убивал их, придавливая как раз огромным камнем.

Аполлодор высказывает версию, что "такому наказанию он был подвергнут из-за Эгины, дочери Асопа. Когда Зевс тайно похитил его, Сизиф, как говорят, рассказал об этом искавшему её Асопу" (Аполлодор. Мифологическая Библиотека. I.IX.3). Итак, перед нами культурный герой, который во всеуслышанье сказал правду о верховном правителе олимпийских Богов и людей, сладострастном Зевсе, этим он, словно Трикстер, пошел против существующего авторитета.

Конечно, не всякий, кто восстает против существующей власти, Трикстер. К тому же, хоть и соблазнительно увидеть в том провидческий дар Сизифа, ведь он откуда то узнал, кто совершил похищение – это объясняется проще. Асопа и Сизифа связывают хотя и не прямые, но династическо-родственные узы через жену Сизифа. Само собой Асоп пришел в Коринф к царю, как мудрому правителю, который, сопоставив всё то, что он знал о похищениях, мог логически вычислить имя вора.

Но у Сизифа есть и ряд других черт Трикстера. Как мы видели выше, он не просто умен и хитер, он способен изменить свой образ, то есть обернуться, и он гетеросексуален.

Традиция рисует Сизифа хитрым стяжателем, презирающим законы богов и людей. Ненавидя своего брата Салмоня, Сизиф замыслили убить его и запросил оракул Аполлона, как это совершить. Оракул ответил, что Салмоня могут погубить только дети его дочери Тиро, если они родятся от Сизифа. Тогда Сизиф стал любовником своей племянницы, и от этой связи родились близнецы. Предупрежденная оракулом Тиро, чтобы спасти отца, убила своих детей (Гигин. "Сказания". 60).

Вот как пересказывает Н.А. Кун, опираясь на недоступную нам поэму "Героини" Овидия, а также гомеровскую "Илиаду", несомненно, главную причину – почему Боги наказали Трикстера Сизифа, как нарушителя космического порядка, опровергателя самих устоев равновесия Жизни и Смерти (см. "Легенды и мифы Древней Греции"):

Никто во всей Греции не мог равняться по коварству, хитрости и изворотливости ума с Сизифом. Сизиф благодаря своей хитрости собрал неисчислимы богатства у себя в Коринфе; далеко распространилась слава о его сокровищах (Д.Г. — это к вопросу о тяге Трикстера к наживе и покровительстве им торговле и грабежу).

Когда пришел к нему бог смерти мрачный Танат, чтобы низвести его в печальное царство Аида, то Сизиф, еще раньше, почувствовав приближение бога смерти, коварно обманул бога Таната и заковал его в оковы. Перестали тогда на земле умирать люди. Нигде не совершались большие пышные похороны; перестали приносить и жертвы богам подземного царства. Нарушился на земле порядок, заведенный Зевсом (Д.Г. — вспомним, что титан Прометей, похититель божественного огня, посоветовал людям не возносить требы на костер и лишить богов воскурений, которыми те якобы насыщаются).

Тогда громовежец Зевс послал к Сизифу могучего бога войны Ареса. Он освободил Таната из оков, а Танат исторг душу Сизифа и отвел её в царство теней умерших.

Но и тут сумел помочь себе хитрый Сизиф. Он сказал жене своей, чтобы она не погребала его тела и не приносила жертвы подземным богам. Послушалась мужа жена Сизифа. Аид и Персефона долго ждали похоронных жертв. Всё нет их! Наконец, приблизился к трону Аида Сизиф и сказал владыке царства умерших, Аиду:

– О, властитель душ умерших, великий Аид, равный могуществом Зевсу, отпусти меня на светлую землю. Я велю жене моей принести тебе богатые жертвы и вернусь обратно в царство теней.

Так обманул Сизиф владыку Аида, и тот отпустил его на землю. Сизиф не вернулся, конечно, в царство Аида. Он остался в пышном дворце своем и весело пировал, радуясь, что один из всех смертных сумел вернуться из мрачного царства теней.

Разгневался Аид, снова послал он Таната за душой Сизифа. Явился Танат во дворец хитрейшего из смертных и застал его за роскошным пиром. Исторг душу Сизифа ненавистный богам и людям бог смерти; навсегда отлетела теперь душа Сизифа в царство теней.

По другой версии, которая представляется более традиционной, именно лукавейший Гермес сумел перехитрить Сизифа и доставить его в Аид на вечные муки (Схоллин. Комментарии к “Идиаде” Гомера. VI. 153.).

В любом случае, Сизифа погубила самоуверенность. Напомним, что эддический бог-трикстер Локи спрятался от асов в водах водопада в виде лосося, но поскольку он мастерил перед этим первую в мире сеть, по её обрывкам “умница” Квасир понял, что этим можно Локи поймать.

Да и Гермес не был бы Трикстером, если бы не было бы хотя бы одного случая, когда он угодил бы в западню (впрочем, неотмщенным он тоже не остаётся):

“Меркурий, сын Юпитера и Майи, одной из Плеяд - наставник в красноречии и мире, передатчик божьих вестей. Был он также изобретателем палестры (борьбы), о чем рассказывается следующим образом. Некий аркадский царь Хорик имел сыновей Плексиппа и Энета и дочь Палестру. Когда юноши случайно вступали между собой в состязание, они испытывали напряжение благодаря давлению и напору своих тел. Так как они делали это в присутствии отца и тот получил от этого нововведения удовольствие, то отсюда произошла определенная игра. Сестра юношей Палестра сообщила об этом Меркурию, который был в неё влюблен. Когда же тот увидел это нововведение, он с умыслом научил людей еще более полному искусству. Получивши об этом сведения от сестры, юноши сообщили об этом старику. Тот больше разгневался на сыновей за то, что они не преследовали такого вора Меркурия.

*Тогда они, найдя его спящим на горе, обрубили ему руки, откуда и он сам и гора стали называться Килленскими, потому что по-гречески *κυλλοις* называют тех, кто лишен какой-нибудь части тела. Отсюда и некоторые обращающие на себя внимание предметы, вроде безруких символов, мы называем гермами. Громко нажаловавшись Юпитеру, Меркурий заставил растерзать Хорика и собрать в мешок, а в вознаграждение своей возлюбленной Палестры он приказал всякое упражнение, совершаемое телом, называть палестрой. Другие полагают, что “Меркурий” произошло у латинян из “Медикуррий”, потому что он постоянно бежит между небом и миром*

подземным. Он также есть бог товара. То, что он имеет крылья на шляпе и на ногах, некоторые хотят объяснить быстротой речи, наставником в которой он является. Ему придается герольдов жезл (*caduceus*) потому, что он при помощи доверия приводит (*conducit*) врагов к дружбе. Этот прут опутан змеями, потому что как эти последние, забыв свой яд, вступают между собою в общение, так и враги, пренебрегнув своей враждой..." (Сервий. Комментарии к поэме Вергилия. "Энеида", VIII, 138).

Также и сам наследственный Трикстер Одиссей, вследствие убежденности в своей изворотливости, иногда попадает в ловушку, ему расставленную. Аполлодор пересказывает известный миф, когда Одиссей не хотел принимать участие в походе (на Трои) и притворился безумным. Тогда Паламед (сын Навплия, и потомок Прометея) изобличил его в притворстве: он последовал за Одиссеем, притворился безумным, и, оторвав Телемаха от груди Пенелопы, стал вытаскивать меч, будто бы с целью убить. Боясь за своего сына, Одиссей признался, что безумие его было притворным и принял участие в походе (по другой версии Паламед положил на пашню сына Одиссея, и Одиссей остановил плуг, чтобы не поранить сына).

Впрочем, со свойственной Трикстеру жестокостью Одиссей отыгрался на разоблачителе. В ходе Троянской войны Одиссей, захватив в плен фригийца, заставил его написать письмо, уличающее Паламеда в измене: Приам будто бы обращался к Паламеду. Спрятав золото в палатке Паламеда, Одиссей кинул табличку с письмом посреди лагеря. Агамемнон прочел это письмо, и, найдя золото, передал Паламеда союзникам как предателя. Те его побили камнями (Аполлодор. Эпитома. III. 7-8).

Платон в "Горгии" упоминает Трикстера Терсита (еще одного из погубленных Одиссеем, не терпящим ни соперников, ни кривых зеркал) среди "*других мерзавцев из простого звания*" (525 d). Говорит это Сократ в речи о Смерти и Аиде в диалоге, посвященном риторике. В "Государстве" вновь появляется Терсит, "*всеобщее посмешище*", выбирающий себе в Аиде облик обезьяны (620 c).

Вот как о Терсите рассказывает Гомер в "Илиаде" (II, 212-277):

*"Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
Всё позволяя себе, что казалось смешно для народа.
Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.
Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал; но теперь скиptronосца Атрида
С криком пронзительным он поносил..."*

"Роль Терсита [у Гомера] исчерпывается тем, что он "поносит бранными словами царей, первоначально принося царям регенерацию в культовом акте публичной брани и публичного обличения. И весь разбираемый эпизод еще полон ритуальных остатков: Одиссей как это водится при Сатурналиях, бьет шута ("набитый дурак"), и сцена побоев проходит в обстановке общего смеха и глумления, подобно всем эпилогам культово-маскарадной смерти, до Христовой включительно... Шут представлял собою одну из метафор смерти, как царь – одну из метафор жизни. Сатурналии показывают единство этих двух аспектов в одном лице "шутовского царя", где эквивалентами "шута" являются "узник", "раб", "дурак" и "разбойник", гесп. "вор". Этот шутовской царь есть столько же царь, сколько и раб; идея праздника – представить переход смерти в жизни, смену старого и нового года, регенерацию из вчерашнего умирания (его метафоры – "узы", "рабство") в сегодняшнее новое оживание ("царствование"). Функции этого перехода несет шут, как

олицетворение брани-насмешки, смеха и глупости – трех метафорических передач образа плодородящей смерти...

В угрозе Одиссея Терситу, свернуто дана и заключительная часть шутовского обряда: Терсита разденут донага, избьют и прогонят из стана, как всех Сатурналиевых шутов, козлов отпущения, фармаков и т.д. И потому-то в загомеровском эпосе и в греческом фольклоре Терсит оказывается убитым, причем в одном случае он умирает от пощечины, в другом его сбрасывают со скалы – два обрядовых приема в этого рода праздниках." (Фрейденберг О.М. Терсит. // Яфетический сборник. Т.6. Л., 1930).

Одиссей принуждает Ахилеса, рядившегося в женские наряды, обнаружить себя и принять участие в Троянской войне, этим он погубил Ахилла. Под видом купца, Одиссей привез товары на остров, где скрывался Ахиллес. Среди них было и оружие. Затрубив сигнал тревоги в рог, Одиссей вынудил Ахиллеса выявить свои мужские качества – герой бросился к оружию (Аполлодор. Мифологическая Библиотека. III.XIII.8).

Одиссей высаживает укушенного змеей Филоктета (владеющего стрелами и луком Геракла) на остров, но когда грекам предсказывают, что без этих стрел им города не взять, Одиссей отправляется за Филоктетом и привозит его под стены Трои (Аполлодор. Эпитома. III, 26; V, 8). Вот как он инструктирует Неоптолема, который должен уговорить Филоктета все-таки помочь грекам, которые бросили его в беде. В этом весь Трикстер (Софокл. "Филоктет", 77-84):

*"Ты должен хитрый выдумать рассказ,
Чтобы похитить лук непобедимый.
Ты знаю, сын мой, не рожден таким,
Чтоб на обман идти и на коварство, -
Но сладостно... торжествовать победу!
Решись! Вновь станем честными... потом...
Забудь же стыд, – всего на день один
Доверься мне... а после почитайся
Весь век благочестивейшим из смертных!"*

А вот характеристика Одиссея из уст Филоктета (Софокл. "Филоктет", 411-415):

*"... Узнаю
Атридов руку, руку Одиссея.
О, у него всегда дурные речи
На языке; лукавый негодяй,
Стремится он всю жизнь к бесчестным целям."*

Мотивы Трикстера никогда не понятны окружающему социуму, между тем Одиссей высадил Филоктета на остров, потому что рана его гноилась, и он мог стать источником заразы для воинов-ахейцев, плывущих под Трою. Громкими криками и стонами он мешал им спать. Конечно, гуманней было убить, раз нельзя вылечить. Но Трикстер не знает боли, и не знает гуманности, он поступает так, как часто поступают и с ним. И опять же, дабы совершить социально-культурное действие – победить, опрокинуть Троянцев в согласии с предначертанием Богов, именно Одиссей инициирует возвращение Филоктета с отравленными стрелами Геракла в войско ахейцев.

Первоплотившись в нищего, Одиссей проникает и в Трою, чтобы похитить изображение Афины Паллады, а затем, обернувшись бродягой, — и в свой дом, отомстить женихам. Он, словно ведомый Гермесом, сеет повсюду смерть и страдания (Аполлодор. Эпитома. V, 13). Не забудем классическую шутку Одиссея, попавшего в плен к циклопу Полифему и предусмотрительно назвавшемуся именем "Никто". Когда

ослеплённый Одиссеем циклоп стал звать братьев на помощь, те спросили его, кто же посмел сотворить эдакое зло, и получив ответ, что “Никто”, бросили Полифема одного в его горе и беде.

Кстати, Одиссею досталось в наследство не только хитроумие, но и красноречие. Вспомним, хотя бы, как Одиссей воодушевлял ахейцев, когда дело под Трое казалось безнадежно проигранным. Еще более показательна изворотливая и велеречивая речь Одиссея-Улисса пред ахейскими вождями в споре о доспехах Ахилла, когда он победил силой слова могучего и простодушного Аякса (*Овидий. Метаморфозы. XIII, 354-394*). Следствием стало помешательство Теламонида и его самоубийство.

Когда та же Елена, подозревая неладное, подошла к Троянскому коню и стала звать греческих героев, подражая голосам их жен, то Одиссей, сидевший в коне, и придумавший эту хитрую комбинацию, не дал грекам выдать себя, зажав им рты (*Аполлодор. Эпитома. V, 19*).

Одиссей и предводительствует греческим десантом, засевшим в чреве коня. Его родич и друг, тоже внук Автолика, и правнук Гермеса – Синон выступил в этом эпизоде мнимым перебежчиком и убедил троянцев, что ахейцы уплыли.

"В отличие от своего деда Автолика, – замечает Джозеф Руссо, – Одиссей обычно пользуется своей хитростью и изобретательностью для достижения благих целей – например, эти его качества не раз спасают его самого и его спутников от различных опасностей. И, как и пристало Трикстеру, он иногда испытывает искушение послать всё к чёрту и погубить какой-нибудь выходкой тех самых людей, которых только что спас, как чуть было не случилось в случае с циклопами и с ветрами Эола, и в конце концов случилось в эпизоде с Лестригонами. Способность Одиссея контактировать с людьми и служить посредником в их контактах вместе с его высокой мобильностью и постоянным поиском приключений напоминает (предка) Гермеса – бога путешественников, перекрестков, взаимодействий и удачи. А долгое возвращение Одиссея в свое царство описывается как возвращение самого царства к законности и порядку под управлением добродетельного правителя. Однако указания на то, что Одиссей до Троянской войны был добрым и любимым народом царем Итаки, странно контрастируют с его развитой способностью причинять боль, страдания, потери и смерть удивительно большому числу людей. Он является причиной гибели своих спутников после того, как они съедают священных быков бога Солнца и ста восьми женихов Пенелопы, которые рассматриваются как параллель его спутникам (те и другие именуются “глупцами, погибшими из-за своего безрассудства”); он является причиной гибели овец феаков, которые помогают ему в возвращении домой; он причиняет циклопу Полифему сильную боль и ослепляет его; и, наконец, в последней книге он причиняет своему отцу ненужное беспокойство, прежде чем сбрасывает маску и показывает, что он и есть давно ожидаемый сын. Последний эпизод кажется настолько иррациональным, что некоторые критики считают его не принадлежащим Гомеру, а добавленным к поэме позже. Однако с точки зрения излагаемой здесь гипотезы всё правильно: беспричинное желание причинять боль является одной из характерных черт Трикстера."

Если обратиться к эпизоду, когда по вине Одиссея, его жадности в споре о доспехах Ахилла, погиб Аякс Теламонид (Аянт – вождь саламинцев под Троей), то у Софокла в одноименной трагедии "Аянт" мы найдем мало лестного для Одиссея. Афина говорит о своем любимце: *"всегда врагам удар готовит он нежданный", "как собака Лаконская, вынюхивает цель"* (*Софокл. "Аянт", 1-2; 7-8*).

"Хор Аянту:

...Распуская облыжно пустую молву,

Всем нашептывать стал про тебя Одиссей.

Сплетник всех убедит! Кто теперь клевете

*Не поверит? ... Доволен рассказчик, а тот,
Кто рассказчику внемлет, – и вдвое!
Любо всем издеваться над горем твоим,
Все в великую душу без промаха бьют!"*

(Софокл. "Аянт", 148-154)

Аянт называет Одиссея "хитрой лисой", "гнушной мразью и болтуном" (Софокл. "Аянт", 103, 396, 382-389):

*"Всё зрящий наковзь,
Всех бедствий орудье,
Хитрец Одиссей,
Грязнейшая мразь!
Срам войска!... Увы
Теперь ты ликуешь!
Злорадно теперь
Хохочешь, злодей!"*

Разгадка страданий Аянта-Аякса в том, что "самонадеянных людей ввергают боги в бездну тяжких бедствий." Аянт был груб с богами и Афиной, и когда она помогала грекам в битве, он отверг её помощь – "и жалкий трус с Богами одолеет" врагов (Софокл. "Аянт", 777-794):

*Ужасно он ответил, несказанно:
"Царица, стой за спинами других, —
Коль в сече я, так не прорвут нам строя!"*

Лживыми, но красноречивыми устами Трикстера Одиссея, Афина наказала Аянта, вселив в него безумие после того, как Аянту не достались доспехи павшего Ахилла.

Вот еще характеристика Одиссея (Софокл. "Аянт", 980-986):

*"В душе своей черной,
В душе коварной
Смеется над горем,
Нежданно постигшим нас,
Многоопытный муж
Злорадным смехом!"*

И еще одна, уже из уст другого античного автора (Пиндар. Немейские песни, 8 ("Аянт"), 23-28):

*"Кто не речист, но мощен душой,
Тот в скорбном споре уступает забвению,
А лучший дар достается искусной лжи –
Так тайными голосами
Услужили данайцы Одиссею,
И Аянт, обездолен золотым доспехом,
Встретил смерть."*

Двуличный Одиссей между тем, словно Джозеф из "Школы злословия" Шеридана, разыгрывает перед самим Агамемноном следующую нравоучительную сцену, упрасывая

похоронить Аянта со всеми почестями, хотя сам же и орудие гибели этого славного героя.

Одиссей:

*"Так слушай же. Молю тебя богами:
Не оставляй его непогребенным,
Не будь жесток, не поддавайся гневу
И ненавистью лютой справедливость
Не попирай. Ему всех ненавистней
Я в войске был с тех пор, как мне был отдан
Доспех Ахилла. Всё ж его позорить
Не стану, пусть он враг мой. Признаю:
Он был из нас, явившихся под Трою,
Всех доблестней, коль не считать Ахилла.
Его лишая чести, ты не прав.
Ведь не его, а божьи законы
Ты оскорбляешь. Если умер честный.
Его нельзя бесчестить – пусть он враг."*

И вот уже все поверили в благочестие Одиссея, и сам Агамемнон, и хор, льстиво замечаящий от имени народа, что *"безумец лишь способен, Одиссей, сказать, что ты не мудрым уродился"*. И сводный брат самоубийцы Аякса Теламонида – Тевкр протягивает руку фактическому убийце брата, обманутый этой комедией, что разыграл пред всеми Одиссей. Он просит лишь Одиссея не участвовать в похоронах, и тот смиренно соглашается.

Как говорится: "Занавес"! Но цель оправдывает средства – греки снова едины, их войско не раскололось, а военный вождь греков себя не опозорил святотатством, и Боги снова к нему благосклонны.

*"Неоптолем. Но не считаешь ты, что ложь – позор?
Одиссей. Нет, – если ложь бывает во спасенье.
Неоптолем. Ты не краснеешь сам от этих слов?
Одиссей. Коль виден прок, так действуй, не колеблясь."
(Софокл. "Филоклет", 108-111)*

Это в чистом виде задатки Макиавелли, задатки диктатора, типа Сталина.

Таким образом, можно считать доказанной гипотезу Джозефа Руссо, с исследования которого мы начали собственное. И хотя Руссо не утруждает себя доказательствами сам, но выражает её в концентрированной форме, достойной альнейшего цитирования:

"В архаической фольклорной традиции, предшествовавшей созданию Гомером "Одиссей", Гермес веками рассматривался как бог-Трикстер и божественный покровитель Одиссея; что же касается Афины, она в то время не имела никакого отношения к этому пользовавшемуся дурной известностью герою. Но при создании героической эпической поэзии, предназначенной для исполнения при царском дворе, нужна была новая парадигма – парадигма, которая воплощала бы более высокую мораль, создавала бы ощущение, что настоящее основывается на славном прошлом, и связывала бы героев с престижными божественными предками и покровителями. В качестве базы для такого эпоса прекрасно подходили легенды о Троянской войне и её героях. Так Одиссей утратил свое родство и особую связь со своим прапрадедом Гермесом, богом хитроумной изобретательности, и приобрел в качестве "приемной матери" Афины, "добрую" богиню цивилизованного разума. Вопреки тщательной переработке традиционного материала,

которую предпринял Гомер, неустранимые противоречия, проявляющиеся в характере и действиях Одиссея, и само имя героя раскрывают архетип, стоящий за фасадом высокоморального эпического героя. Одиссей является фигурой гораздо более глубокой, чем любой другой персонаж древнегреческой героической традиции именно потому, что представляет собой проявление архетипа Трикстера – архетипа гораздо более парадоксального, чем архетипы героя, воина и царя."

В заключение вниманию читателя еще одна трикстерная черта Одиссея. Многие не находят у него гиперсексуальных свойств, но они совершенно очевидны. Стремящийся к своей Пенелопе, Одиссей год провел на ложе волшебницы Кирки и прижил от неё сына Телегона. Затем семь лет он провел на ложе нимфы Калипсо, и та родила от Одиссея сына Латина (*Аполлодор*. Эпитома. VII, 16 и 24). Расправившись с женихами, Одиссей пошел в Эпир и там сошелся с царицей Каллидикой, от которой родился еще один сын – Полипойт. Оставив царство этому сыну, он вернулся на Итаку, а там узнал, что у него от Пенелопы есть еще один сын, помимо Телемаха, – Полипорт... И этот был далеко не последний.

Словом, последние годы Одиссея полны любовных приключений согласно Аполлодору (Эпитома, VII, 34-40) и не столь благочинны и целомудренны, как показывает Андрей Кончаловский, вслед за Гомером с настойчивостью избавляющий Одиссея от дурной наследственности.

Погиб Одиссей совершенно нелепо, как и водится у трикстеров. Он был убит собственным сыном Телегоном, который в поисках отца, заехал на Итаку и стал воровать Одиссеев скот. Одиссей настиг своего сына, но в стычке тот поразил его копьем, наконечник которого был сотворен из шипа ядовитого морского ската.

Хотя, возможно, всё было и совсем не так. Не мог же ошибиться предсказатель Тиресий у Гомера? ("Одиссея". XI, 134)

*"... смерть не настигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется всё, предречённое мною."*